

Лянь Фэн не взял мушмулу, а просто опустился на одно колено перед Юнь Хуанем:

— Как это едят?

Юнь Хуань задумался.

Возможно, Лянь Фэн тоже никогда не видел мушмулы и не знал, как её есть.

Он медленно очистил кожуру, обнажив сочную мякоть, и поднёс её к губам Лянь Фэна:

— Вот так, просто кусай. Внутри есть косточка, не ешь её.

Лянь Фэн наклонился и укусил.

Юнь Хуань вскрикнул:

— Ты укусил мой палец.

Лянь Фэн посмотрел на него своими узкими глазами:

— Извини.

Хотя в его голосе не было ни капли сожаления, Юнь Хуань не придал этому значения. Он поднёс другую сторону мякоти к Лянь Фэну:

— Ничего, не очень больно. Сладко?

— Очень.

Юнь Хуань положил косточку на тарелку и вытер пальцы влажной салфеткой, чтобы удалить сок.

Хотя пальцы были чистыми, на них остался лёгкий фруктовый аромат.

Лянь Фэн взял руку Юнь Хуаня в свои и провёл пальцем по укушенному указательному пальцу.

Юнь Хуань редко ездил верхом и не занимался боевыми искусствами. Его пальцы были настолько нежными, что на подушечке остался лёгкий след от укуса, который, вероятно, исчезнет через полчаса.

Юнь Хуань опустил глаза и посмотрел на Лянь Фэна.

Хотя Лянь Фэн казался холодным и отстранённым человеком, многие его поступки были очень мягкими.

Лянь Фэн слегка сжал руку:

— Почему ты всегда смотришь на меня, молодой господин?

— Не называй меня молодым господином, — сказал Юнь Хуань. — Я просто думаю, каким бы ты был, если бы не был здесь.

Лянь Фэн поднял бровь:

— А?

Юнь Хуань часто представлял себе то, что никогда не происходило. Каким бы был Лянь Фэн, если бы они жили не в эту эпоху?

Возможно, он был бы строгим парнем с высоким ростом, длинными ногами и восемью кубиками пресса, капитаном баскетбольной команды в университете, который был бы очень популярен. Он не был бы вынужден жить в чужом доме, а смог бы своими усилиями добиться хорошей жизни.

Юнь Хуань наивно сказал:

— Тебе не кажется, что весь дом князя Линя словно мёртв? Все живы, но никто по-настоящему не счастлив. Если бы мы жили не в эту эпоху, а намного позже, возможно, каждый был бы счастлив и мог бы делать то, что хочет.

Лянь Фэн погладил голову Юнь Хуаня:

— Ты слишком много думаешь, это истощает твои силы.

Юнь Хуань моргнул.

Лянь Фэн всегда знал, что Юнь Хуань красив. Но из-за разницы в возрасте он чаще воспринимал его как прекрасного, но ещё не раскрывшегося юношу.

Иметь слишком много чувственных мыслей о таком красивом и нежном Юнь Хуане было неправильно.

Поэтому, когда Юнь Хуань смотрел на Лянь Фэна таким чистым взглядом, тот иногда испытывал смесь жалости и вины, желая как защитить его, так и испортить.

Юнь Хуань прижался головой к ладони Лянь Фэна.

В доме князя Линя он больше всего любил княгиню и Лянь Фэна. Княгиня была его матерью, которая любила его безвозмездно. Лянь Фэн был его лучшим другом, который понимал его лучше всех и разделял его взгляды.

Поэтому перед ними он мог быть самим собой.

Лянь Фэн чувствовал, как шёлковистые волосы Юнь Хуаня скользят по его ладони. Один раз прикоснувшись к ним, он уже не мог забыть это ощущение.

Прикоснуться к волосам Юнь Хуаня уже было роскошью.

Ведь в прошлой жизни, в долгие и одинокие годы, Лянь Фэн мог только погружаться в иллюзии.

Сердце человека всегда жаждет большего, и Лянь Фэн не был исключением. Он не был доволен настоящим и хотел, чтобы Юнь Хуань, будучи в сознании, мягко коснулся его лица.

Уже было поздно, и в комнате давно пора было зажечь свет.

Дань Чжу, увидев, что Лянь Фэн вошёл в комнату юного господина, знал, что тот не любит, когда его беспокоят. Он подумал, что Лянь Фэн сам зажжёт свет и поможет Юнь Хуаню лечь спать, поэтому не стал вмешиваться.

Но Лянь Фэн этого не сделал.

Снаружи закат постепенно опускался за облака, оставляя лишь яркие красные облака, которые окрашивали половину неба.

В комнате постепенно становилось темнее, пока не наступила полная тьма.

Юнь Хуань хотел кашлять. Он слишком хорошо знал своё тело и понимал, что на этот раз в кашле будет кровь.

Для Юнь Хуаня, если ты действительно любишь человека, не стоит заставлять его волноваться. Поэтому перед княгиней и Лянь Фэном он старался выглядеть здоровым.

Естественно, он не хотел показывать свою слабость тем, кто его не любил, потому что они могли злорадствовать.

Юнь Хуань знал, что в любом мире его здоровье не будет хорошим. Его тело было слишком хрупким, и ему оставалось только быть сильным духом, хотя он был не очень умен и не мог быть по-настоящему сильным.

Лянь Фэн в темноте взял лицо Юнь Хуаня в свои руки:

— Боишься темноты? Зажечь свет?

Юнь Хуань кивнул.

Он боялся бескрайней тьмы, но Лянь Фэн давал ему чувство безопасности. С ним всё было проще.

Широкая ладонь Лянь Фэна могла полностью закрыть маленькое лицо Юнь Хуаня, но сейчас он касался его нежно, чувствуя прохладную и нежную кожу, словно боясь повредить его:

— Сначала отнесу тебя на кровать?

Юнь Хуань сказал:

— Лянь Фэн, я могу сам пойти.

Он хорошо знал планировку комнаты.

Но в следующий момент Лянь Фэн без колебаний поднял его на руки:

— Ты слишком хрупкий. Если ударишься о мебель, на теле снова останутся синяки.

Юнь Хуань был аккуратно положен на кровать. Его чёрные волосы и тонкая одежда раскинулись на шёлковом покрывале. Он потянул за полог, и тот опустился, закрывая пространство кровати.

В комнате постепенно загорались лампы, но тёмный полог не пропускал свет, так как состоял из нескольких слоёв, и Лянь Фэн не мог видеть, что делает Юнь Хуань внутри.

Через некоторое время из-за полога послышался лёгкий шорох, и фиолетовый верх был брошен наружу. Затем на ковёр упал пояс из белого нефрита.

Лянь Фэн знал, что Юнь Хуань собирался спать. В последнее время он плохо спал, поэтому старался лечь пораньше, чтобы продлить сон.

Он хотел, чтобы Юнь Хуань заснул, но в то же время не хотел этого.

Если Юнь Хуань засыпал, это должно было происходить под его наблюдением.

Лянь Фэн налил чашку тёплой воды с несколькими цветками жасмина, затем приподнял полог и протянул её Юнь Хуаню:

— Выпей воды перед сном.

Юнь Хуань уже закрыл глаза, но теперь открыл их в удивлении.

Он не привык пить перед сном, но раз уж Лянь Фэн принёс, он решил выпить.

Юнь Хуань сел на кровати. Его нижняя одежда уже была слегка растрёпана, когда он снимал верхнюю. Теперь, когда он сел, воротник разошёлся, обнажая ключицу и шею, которые обычно были скрыты. Они излучали мягкий блеск, как снежный нефрит.

Взгляд Лянь Фэна упал на них и мгновенно потемнел.

Юнь Хуань выпил воду залпом, а затем понял, что во рту остался цветок жасмина, который он никогда не глотал, когда пил цветочный чай.

Лянь Фэн протянул ладонь.

Юнь Хуань наклонился и выплюнул маленький цветок жасмина на его ладонь.

Лянь Фэн даже почувствовал, как мягкие и влажные губы Юнь Хуаня коснулись его ладони.

На самом деле Лянь Фэн всегда знал, что он не был нормальным человеком. Нормальные люди не были такими жестокими и холодными. Ещё в прошлой жизни, когда он потерпел поражение и попал в дом князя Линя, Лянь Фэн уже сошёл с ума. Даже теперь, когда он пережил всё заново, но сохранил воспоминания о прошлой жизни, он оставался тем же Лянь Фэном.

Поэтому, когда он был рядом с Юнь Хуанем, ему приходилось сдерживать себя, чтобы не делать слишком близких вещей.

Лянь Фэн не был благородным человеком. К тем, кого он любил, он испытывал болезненные чувства и необычайное желание обладать.

Возможно, как сказал император, внешне он был благородным наследным принцем династии Ци, но внутри был жестоким и бесчеловечным демоном.

Злой, безжалостный, окровавленный мужчина, который хотел испачкать своего хрупкого и прекрасного юного господина, был вполне нормальным явлением.

Лянь Фэн поставил чашку обратно. Хотя он знал, что не должен снова поднимать полог, он всё же сделал это:

— Цвет полога слишком тёмный, внутри совсем темно. Тебе не стоит опускать его, когда спишь.

Юнь Хуань никогда не обращал внимания на такие мелочи. Для него не было разницы, опущен полог или нет. Ведь он спал в нижней одежде, и оба они были мужчинами, так что нечего было скрывать.

<http://bllate.org/book/16217/1456471>